

княжестве, как полагал русский историк первой половины XVIII века В. Н. Татищев.¹ Большое место в „Письме“ Оленина отводилось доказательству подлинности тмутараканского камня. Доказательства Оленина в его труде были поставлены на широкую палеографическую и филологическую основу. О значении „Письма о камне“ можно судить уже по одному тому, что оно положило начало существованию русской палеографии. Отметим, что большая доля участия в написании „Письма о камне“ принадлежала А. И. Ермолаеву; на участие в написании „Письма“ указал печатно и сам Оленин. Тем не менее следует заметить, что ознакомление с архивными данными убеждает нас в правильности уже выказанного в литературе мнения, что участие А. И. Ермолаева в написании „Письма о камне“ было значительно большим, чем это явствует из самой книги.²

Интересно, что автор или авторы „Письма о камне“ для доказательства своих взглядов о местонахождении древней Тьмутаракани привлекли и „Слово о полку Игореве“. Это замечание о древней поэме, которое было тогда же учтено исследователями „Слова о полку Игореве“, но с течением времени ими же довольно прочно забыто, мы даем здесь полностью. Приведа ряд доводов в пользу правильности мнения Мусина-Пушкина о местонахождении древней Тьмутаракани, авторы „Письма“ продолжали:

„К сим доказательствам можно еще присовокупить некоторые места из песни о походе Игоря. В ней на странице 9 сказано: „Див (Филин) кличет връху древа, велит послушати земле незнаеме, Вльзе, (Волге) и по морию и по Сулию (Псле) и Сурожу, и Корсуню, и тебе Тьмутороканьский блъван (Истукан)“.

На странице 24, того же сочинения, певец Игоревых подвигов, говорит: „Се бо два сокола слетеста с отня (с отцовского) стола злата (престола золотого) поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомъ Дону...“.

„Первое место из песни Игоревой относится, по мнению моему, к бедам, угрожающим Игореву войску, о которых слух разнесется по всей стране, находящейся между (Вльзе) Волгою, (Посулию) Псом,³ (Поморию) Поморием, до Сурожу или Азовского моря⁴ в Корсуне к Тьмуторокане.

„По порядку, в котором поставлены здесь имена рек, морей и городов, кажется, заключить должно, что Сурожь, Корсунь и Тьмуторокань были соседственные между собою места, из коих далее всех было сие последнее.

„Взглянув на карту под № VIII,⁵ можно эту мысль удобнее обнять и удостовериться, что в сие место из песни Игоревой служит к подтверждению ваших доводов.

„То же самое доказывает и вторая из сей песни выписка, в которой под двумя соколами последователь Бояна подразумевает князей

¹ Мнение по этому вопросу А. И. Мусин-Пушкин изложил в своем „Историческом исследовании о местоположении древнего Тьмутораканского княжения“ (СПб., 1794).

² См., например: С. Булич. Очерки истории языкознания в России. СПб., 1904, стр. 711.

³ Река Псиол впадает от севера в реку Днепр к востоку и параллельно почти течет с рекою Сулою (также в Днепр впадающею), от чего уповательно Псиол и прозвался в старину Посулия. (Примеч. Оленина).

⁴ Сам же (князь Михаил Тверской) дойде орды месяца Сентяврия в 6 день на усть реки Дону, идеже течет в море Сурожское. (Примеч. Оленина).

⁵ Под № 8 к „Письму о камне“ приложена „Карта Полуденной России“.